

индийских представлениях о верхней чакре, и в представлении о том, что для оплодотворения женщины в неё через голову должен войти дух-эмбрион, а затем он по телу опускается в матку. Рост зубов ребёнка также отражает космогоническое единство верха и низа, неба и земли. Особое отношение к зубам нижней челюсти – широко распространённая универсалия культуры, особенно очевидная у архаичных народов. Существует даже культ нижней челюсти, которую отделяют от тела умершего и берегут, наделяя её способностью обеспечивать плодородие.

Вероятно, именно эти древнейшие представления побудили Платона, который размышлял о локализации в человеческом теле неоднородной души, предположить, что разумная часть души находится в голове, аффективная – в груди, а вожделеющая – в животе. По существу, эти предположения абсолютно аналогичны древнеиндийскому учению о специализации чакр и древнекитайскому учению о предназначении дян-тяней

(центров скопления жизненной энергии).

Поскольку человек всегда соотносил себя со своей средой обитания, то семантика правого и левого, верха и низа антропоморфно переносилась и на жилище, и на ландшафт, и на пространство, и на космос в целом. Таким образом, ценностное отношение объединило антропологию, культурогенез и космологию.

1. Видаль-Накэ П. Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. – 419 с.
2. Роттердамский Э. Похвала глупости. М., 1971 – 769 с.
3. Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. – 335 с.
4. Этингген Л. Е. Мифологическая анатомия. М., 2006 – 528 с.
5. Гуревич Д., Рапсат – Шарлье М.-Т. Повседневная жизнь женщины в Древнем Риме. М., 2006 – 260 с.

Ф. П. Фурман

НАРОДНИЧЕСТВО: ОТ НАРОДОЛЮБИЯ ЧЕРЕЗ НАРОДОВЕДЕНИЕ — К НАРОДОВОДСТВУ

Фурман
Феликс Павлович

кандидат философских наук, доцент. г. Нижневартовск

История идейно-политического и культурно-исторического явления русского народничества весьма поучительна с точки зрения эволюции его центрального смыслового ядра – категории «народ». Однако, если быть более точными, то следует признать, что это была, скорее, мифологема, нежели сколько-нибудь строгая научно-теоретическая конструкция. Ее эволюция в народничестве, а тем более – ее судьбы в рамках более поздних идейно-политических течений выступают той «призмой», через которую просвечивает ряд закономерностей, помогающих понять и события современности¹.

В 70-е годы XIX века в центр общественно-политической жизни России выдвигается особенный феномен: беспредельное «народолюбие». По известному выражению Н. К. Михайловского появляются «кающиеся дворяне», которые вдруг всецело посвятили свою жизнь тому, чтобы загладить перед мужиком вековую вину барства-интеллигенции. В 1875 г. публикуется небольшая статья в «Неделе» о том, «почему литература пришла в упадок» никому прежде неведомого писателя П. П. Червинского. С нее фактически началась обширная литература журнальных и газетных статей, исследовавших основной тезис статьи: интеллигенция должна учиться нравственности у «деревни». Стремлением к идеализации народа отличалась так называемая «мужичья беллетристика». В то же время производится организация ряда специальных комиссий в Географическом и Вольном Экономическом обществах, посвященных научному констатированию замечательных «особенностей» нашей народной жизни.

Н. Бердяев писал: «Народничество есть столь же характерно русское явление, как и нигилизм, как и анархизм. У нас было народничество левое и правое, славянофильское и западническое, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен,

Достоевский и Бакунин, Л. Толстой и революционеры 70-х годов — одинаково народники, хотя и по-разному». Он объяснял, что народничество есть прежде всего «вера в русский народ». Под народом же нужно понимать трудящийся «простой народ», главным образом, крестьянство. По мнению Бердяева, русские народники всех оттенков верили, что в народе хранится тайна истинной жизни, скрытая от господствующих культурных классов. В основе народничества лежало чувство оторванности интеллигенции от народа. Интеллигенты-народники не чувствовали себя органической частью народа, народ находился вне их.

Он обращает внимание на значение чувства вины перед народом, которое играло огромную роль в психологии народничества: вся культура, полученная интеллигенцией, создана на счет народа, на счет народного труда и это налагает тяжелую ответственность на приобщенных к этой культуре. При этом, если религиозное народничество (славянофилы, Достоевский, Толстой) верили, что в народе скрыта религиозная правда, то народничество безрелигиозное и антирелигиозное (Герцен, Бакунин, народники-социалисты 70-х годов) верило, что в нем скрыта социальная правда. Но все русские народники сознавали неправду своей жизни. Настоящий человек, человек не подавленный чувством вины, грехом эксплуатации своих братьев, есть трудовой человек, человек из народа.

Еще более далеко идущий вывод, следовавший из народнических построений, отмечает Бердяев, — состоит в том, что культура сама по себе не есть оправдание жизни, она куплена слишком дорогой ценой порабощения народа. Народничество нередко бывало враждебно культуре и во всяком случае восставало против культуropоклонства.

С самого начала народничество, как общественно-политическое и прежде всего литературно-художественное и публицистическое явление, предстало сложным образованием, которое включало народничество славянофильского, религиозного типа, видевшее главную вину культурных, высших классов в отрыве от религиозных верований народа и от народного быта, а также — народничество социалистического

типа, которое видело вину культурных классов в том, что вся их жизнь и их культура основана на эксплуатации народного труда.

Н.Бердяев же обратил внимание на то, что ни один народ Запада не пережил так сильно мотивов покаяния, как народ русский в своих привилегированных слоях.

Все это неизбежно выливалось в поиски ответа на вопрос о путях преодоления чувства вины. Народники сформировали веру в особые пути развития России, в возможность миновать западный капитализм, в особое предназначение русского народа разрешить социальный вопрос лучше и скорее, чем на Западе. В этом сходятся революционеры-народники с славянофилами. В.Г.Короленко так характеризовал появление «народолюбия»: «представление о «народе» со времени освобождения занимало огромное место в настроении всего русского общества... Уже самое происхождение из народа давало своего рода патент на обладание истинно народной мудростью... Вот что тогда было широко разлито в сознании всего русского общества и из чего наше поколение, — в семидесятых годах подходившее к своему жизненному распытию, — сделало только наиболее последовательные и наиболее честные выводы. Если общая посылка правильна, то вывод действительно ясен: нужно «отрешиться от старого мира», нужно «от ликующих, праздно болтающих, обгагривших руки в крови» уходить туда, где «работают грубые руки» и где, кроме того, зреет какая-то формула новой жизни... Часть литературы легальной и вся нелегальная сделала из этого логические, нравственно наиболее честные выводы. А молодежь внесла присущий ей энтузиазм. И вот «революционное народничество» готово».

Стремление «возвратить долг народу» стало важнейшим побудительным мотивом деятельности народников. Однако способы «возвращения долга» понимались различными течениями в нем по-разному. Либеральные народники шли на службу в земство, стремясь к облегчению повседневной участи крестьян. Часть их, во главе с Н.К.Михайловским, видела главную задачу интеллигенции в том, чтобы внести в крестьянскую среду социалистические идеи, показать крестьянству преимущества коллективного ведения. Хозяйства. В противоположность им, революционные народники, считая, что «земство бесправно, оно лживая форма», — звали интеллигентную молодежь на путь подготовки революции. Так оформились главные направления. Идеологом бунтарского направления в народничестве стал М.А.Бакунин. Любая власть — подавление человеческой свободы. В будущем обществе, утверждал он, не будет никакого государства, люди будут совершенно свободны, а общество будет состоять из самоуправляющихся общин, артелей, народов. Он считал, что русский крестьянин — «прирожденный социалист». Нужно не внушать крестьянам социалистические идеи, а прямо звать их к немедленной революции. Более того, крестьянство готово к бунту, «ничего не стоит поднять любую деревню». Но «отдельные вспышки» недостаточны, хотя и способствуют воспитанию народа. Задача интеллигенции, по его мнению, состояла в организации «живой бунтовской связи между разьединенными общинами».

Вдохновителем пропагандистского направления стал П.Л.Лавров, считавший что революция будет иметь смысл лишь тогда, когда и народ, и сама революционная молодежь будут подготовлены к ней, когда будут усвоены социалистические взгляды. Без этого возможен лишь бунт, сопровождаемый

бессмысленным насилием.

Главной задачей интеллигенции Лавров считал длительную социалистическую пропаганду.

В отличие от других народников, П.Н.Ткачев отвергал принцип «освобождение народа должно быть делом самого народа». По его мнению, сам народ в силу своего невежества и «рабских инстинктов» «не может провести и осуществить идеи социальной революции». Эта задача ложится на плечи «революционного меньшинства», объединенного в конспиративную организацию. Ткачев настаивал на захвате власти и осуществлении революции в самое ближайшее время, поскольку русское самодержавие не имеет опоры. «Не готовить революцию, а делать ее!» — провозглашал Ткачев, предлагая «терроризировать» правительство. Как видим, различные направления, в конечном счете свои способы и методы формулируют исходя из представлений о свойствах «народа». Этим представлениям и верованиям предстояло вскоре пройти жесткую проверку. Пропаганда среди городских рабочих казалась многим народникам недостаточной. Молодежь воодушевлялась призывами Герцена, Бакунина, Лаврова — «В народ!».

Весной 1874 г. тысячи молодых людей, главным образом студентов, устремились «в народ».

«Хождение в народ» охватило 37 губерний. Особенно активно народники действовали в Поволжье, недавно пережившем неурожай и голод. Среди участников «хождения в народ» преобладали последователи Бакунина, рассчитывавшие на немедленный бунт, но были и сторонники Лаврова. Однако очень скоро становилось очевидным, сколь односторонними, умозрительными и упрощенными являются представления о народе, о методах работы с ним; поэтому нередко одни и те же люди сочетали в своем сознании пропагандистские и бунтарские взгляды.

Однако ожидания народников не оправдались. Ни призывы народников к бунту, ни их пропагандистские усилия успеха не имели. Большинство участников «хождения в народ» были схвачены самими крестьянами: в общей сложности было арестовано свыше полутора тысяч «пропагандистов», из них к дознанию привлекли 770, в том числе 158 женщин. По итогам «хождения в народ» царизмом в 1877 г. был организован самый крупный в российской истории политический процесс — «процесс 193-х». В итоге 28 человек были приговорены к каторге на срок от 3 до 10 лет, 32 — к тюремному заключению, 39 — к ссылке. По инерции большинство участников «хождения в народ» объясняли его провал недостаточным уровнем организации и полицейскими преследованиями. Отсюда был сделан логичный вывод: о необходимости создания единой организации. В 1876 г. из нескольких разрозненных кружков сложилась конспиративная организация «Земля и воля», названная в память о «Земле и воле» 1860-х гг. В программе «Земли и воли» основной целью организации провозглашались «анархия и коллективизм», она требовала «перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения», «полнейшей свободы исповеданий», «разделения теперешней Российской империи на части в соответствии местным желаниям». «Земля и воля» полагала, что добиться поставленных целей можно «только путем насильственного переворота, и притом возможно скорейшего, так как развитие капитализма и всё большее и большее проникновение в народную жизнь (благодаря протекторату и стараниям русского правительства)

разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного мирозерцания». Свои практические задачи землевольцы видели в том, чтобы, во-первых, «помочь организоваться элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства»; и, во-вторых, «ослабить, расшатать, т.е. дезорганизовать, силу государства, без чего не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного, плана восстания». Для этого предполагалось не только устраивать «прочные поселения и притоны» среди крестьян тех местностей, где «недовольство наиболее заострено», но и сближаться с антиправительственными «сектами религиозно-революционного характера» и даже привлекать «на свою сторону по временам появляющиеся в разных местах разбойничьи шайки». Невозможность легально вести пропаганду и полицейские преследования убеждали народников в необходимости политической борьбы, которой ранее они всячески избегали. Постепенно в среде молодых революционеров стало складываться стремление подтолкнуть революцию террором.

Впрочем, поначалу землевольческий террор носил, скорее, характер мщения. Оправдание Засулич свидетельствовало о глубоком возмущении общества действиями властей и сочувствии революционерам. Но, оправдав Засулич, суд присяжных фактически разрешил самосуд и террор. После оправдания Засулич террористические акты стали следовать один за другим. Правительство ответило на эти покушения арестами, были казнены 16 и высланы 575 человек. Из-за преследований со стороны властей народникам пришлось почти полностью прекратить пропаганду в деревне. Теоретический спор о правильности представлений о народе, как видим, решался в том числе – в практике ожесточенной политической борьбы, которая вступила тем временем в новую фазу. Появляется новая политическая сила и новая система воззрений на общество, «народ», «классы».

Отношения между русским народничеством и марксизмом, часто упрощенно изображаемые как противостояние, были гораздо сложнее, и народники отнюдь не ограничивались тем, что выступили против марксизма, но и испытывали на себе его глубокое влияние. Известно, что первая встреча марксизма с русским народничеством произошла до появления русского марксизма. Народники изначально не были врагами марксизма². После распространения марксизма в России народники более глубоко осознали несовместимость некоторых предпосылок исторического материализма со своими понятиями о возможном пути социального развития России, но в это же время отдельные народники продолжали изучать марксизм и пытались дискутировать с русскими последователями Маркса на марксистском языке. И снова в центре споров – оценка свойств «народа». Только теперь, с учетом достижений социологической теории и политической практики, речь идет не о «простом» народе или «трудовом», а о структурированном обществе, в котором различные элементы (различные социальные слои и группы (классы)) получают различную оценку по отношению к революции и степени «готовности» к социализму. Народничество в лице Н.Михайловского встало на позиции «субъективного метода», рассмотрения проблемы в духе дилеммы «героев и толпы». Примечательно, что старший брат В.И. Ленина – А.И.

Ульянов, считая себя последователем «Народной воли», в своей «Программе террористической фракции партии «Народная воля» считал городской рабочий класс основной революционной силой, а закон экономического развития и перехода от капитализма к социализму не всеобщим, а условным: «закон выражает историческую необходимость, которая управляет процессом перехода к социализму, если этот процесс проходит стихийно и если не происходит какого-либо сознательного вмешательства со стороны какой-либо социальной группы»³⁰.

Русский марксист Плеханов был догматически уверен в том, что отсталые страны (Россия) должны повторить этапы развития передовых стран. Сам Маркс к концу жизни отошел от простой эволюционистской точки зрения и, к досаде плехановской группы, склонялся, скорее, к народнической теории (хотя и оговаривал это рядом условий!). Но представления Плеханова о социализме, основанном на высокоразвитом и демократическом капитализме, оказались не менее утопичными, чем мечты народников о том, чтобы избежать человеческих жертв в ходе экономического прогресса. Практика политической борьбы остро ставила перед ним радикальный вопрос, сформулированный лидером большевизма В.Лениным: нужно ли слепо следовать закону стихийного развития общества и дожидаться вызревания экономических предпосылок (соглашаясь на неминуемые жертвы, в том числе – в результате оголтелого сопротивления эксплуататоров!), если их можно сознательно создавать после революционного захвата власти угнетенными? Насколько состоятельны могут быть упования на то, что продолжение капиталистической эволюции однозначно будет сопровождаться ростом буржуазных свобод, созреванием и всемерным развитием рабочего класса? Лев Тихомиров, теоретик народнической партии «Народная воля», по этому поводу сравнил Плеханова с миссионером, пытающимся убедить дикарей, что рабство есть «необходимый этап цивилизации и что поэтому им полезно стать рабами». Поэтому-то в первых работах Ленина подробно разъясняется огромное значение «субъективного фактора» — революционной сознательности и организованной воли (политической партии) в историческом процессе. Может быть в этом заключалось многозначительное молчание Г.Плеханова после Октябрьской революции 1917 г. ставшего перед мучительной дилеммой: осудить революционное восстание масс он как революционер не мог, а опасности последующего мало кому были ведомы.

М.Вебер, анализируя эту сложную проблему, показал, что особенности массового сознания усиленно эксплуатируются социал-демократией, пришедшей на смену народничеству, но, по его убеждению, «нет ни тени намека на то, что во чреве экономического «обобществления» содержатся в зародыше свободная личность или альтруистические идеалы... «Правильная» социал-демократия гонит вымуштрованную массу на духовный парад, суля ей вместо потустороннего рая рай на земле. Она приучает своих приверженцев подчиняться догмам и авторитетам, к бесплодным спектаклям массовых забастовок. После того, как эсхатологический момент движения останется позади, а поколение за поколением истратили свои силы на сжимание кулаков в карманах и скрежетание зубами, останется только умственная тупость и духовная усталость»³.

Капитализм как социально-экономическая система в «классическом» его состоянии не способен стать питательной средой для расцвета свободы, справедливости и демократии

— этот вывод Вебера уже в наши дни подтверждают такие теоретики и практики, как Милтон Фридман, Мишель Рокар, Людвиг Эрхард. М.Фридман, глава Чикагской школы, утверждал, что «свободная экономика с частным рынком не является гарантией гражданской, личной и политической свободы»⁴. М. Рокар против идеи о том, что лишь только процветающие страны могут жить в условиях демократии⁵. Демократия зависит от политической воли народа, от уровня экономического мышления избранных народом лидеров и от его способности понять необходимость перемен и оказать им действенную поддержку.

Пышно расцветшая в стране бюрократия вытесняла успешно работавший, подлинно демократический, как оценивает его Вебер, институт самоуправления — земство. Анализ истории и действий земства, данный Вебером, призван убедить в том, что это наиболее полнокровный, дееспособный и авторитетный в глазах общественного мнения страны институт. Уже фактом своего существования и последовательной работой на нужды общества он олицетворял борьбу против традиционного сословного распределения власти. Реформистские партии России начала века медлили в определении кардинальных задач по преобразованию деревни. Предлагались давно устаревшие, упрощенные меры, обходившие корень, фокус сельской жизни — крестьянскую общину. Вне этого контекста невозможно понять и три русских революции, и двусмысленность Февраля 1917 г. и его итогов. Такая ситуация не могла не разрешиться Октябрем.

Но как остро вновь встает проблема оценки качеств «народа», его «готовности» к социалистическим преобразованиям! Первые декреты Советской власти преисполнены убеждения в том, что самые широкие слои «трудового населения» страны — и в первую очередь рабочего класса, — вполне готовы и смогут осуществить социально-экономические преобразования тектонического масштаба: обобществить средства производства, ввести рабочий контроль и учет, наладить справедливое распределение, поддерживать общественный порядок и прекратить военные действия на фронтах, пресечь «вылазки контрреволюции» и т.п.⁶ Однако очень скоро⁷ в работах В.И.Ленина все более отчетливый характер приобретает переход от стихийной «разумности революционных масс» к необходимости создания особой «стройной, крепкой организации», только и способной наладить деятельность миллионов людей «с правильностью часового механизма». Он верен был духу марксизма, хотя заповедь классика тогда не была опубликована: «Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством»⁸ — поэтому не мог отдать контроль рыночным силам («невидимой руке рынка»). Хотя и предпримет головокружительную попытку использовать эту силу в форме НЭПа.

Но потребность организовать и направить энергию масс неизбежно выльется в создание многочисленного бюрократического аппарата, теперь уже советского «рабоче-крестьянского», по поводу качества работы которого сам его первый Председатель скажет в сердцах, что «он — г.!» И вот уже вскоре Н.И. Бухарин будет вынужден констатировать, что «мы строим контроль над контролем и они исправляют 10%, а прожирают 20, 30, 50; поэтому такой контроль представляет колоссальный балласт на всем советском организме... Мы создаем ... контроль в квадрате, контроль в кубе... и в то же самое время воровство существует...»⁹. Еще будут политические кампании (и в партии, и в госаппарате, и в прессе) вовлечения и привлечения масс к «делу управления» и «строительства», но уже очень быстро по историческим меркам сцементируется мощный слой партийной и советской бюрократии, который бетонной стеной встанет на путях всевозможного самостоятельного творчества народа, либо загоняя его в извращенные «фаланстерии», либо до неузнаваемости извращая все, что будет порождено этой творческой самостоятельностью. Будет выстроена некая причудливая «иерархия авангардов»: русский народ во главе с рабочим классом, возглавляемым особой организацией, то ли завоевавшей право называться «ум, честь и совесть эпохи», то ли превратившейся в тайный «орден меченосцев».

Так народническое преклонение перед народом («служение ему» и «борьба за его счастье») в руках их идейно-политических наследников превратится в организованную систему жестокой социально-политической и экономической «выделки» народа руками самого народа.

1. Здесь мы не касаемся ряда актуальных аспектов этой темы, связанных, в частности, с анализом мифологемы «народность» в русской общественно-политической литературе, связанной немецкой общественно-политической традиции — от романтиков до национал-социализма.

2. Известно, что «классический» этап развития народнической мысли наступил после опубликования первого тома «Капитала», и не случаен тот факт, что первый перевод «Капитала» был издан в России благодаря народникам: перевод был начат Германом Лопатиным, близким другом Маркса, и закончен Николаем Даниельсоном, считавшим марксизм и народничество вполне совместимыми.

3. цит.по: Шпакова Р.П. Российское реформаторство глазами Макса Вебера. //Полис, 1998.№3.// Weber M. Russlands Ubergang zum Scheinkonstitutionalismus. // "Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", 1907. Bd. XXIII, H. 1. с. 349

4. Фридман М. Четыре шага к свободе. — «Общественные науки и современность», 1991, № 3, с. 16.

5. Рокар М. Трудиться с душой. М., 1990, с. 194.

6. См.: Ленин В.И. Государство и революция. Полн.собр.соч.Т.33. С.101.

7. Его же. Очередные задачи Советской власти. Там же.Т.36.С. 155, 263.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.Т.46.ч.1.С.101-102.

9. Бухарин Н. Избр. труды. М., 1990.С.312.